

Помните, в клипе ДДТ «Осень» сцену с револьвером? Помните, каким взглядом смотрит Кинчев: наган-то все равно пустой, он просто изображает игру в русскую рулетку, но чем черт не шутит, а вдруг. Говорят, «Алиса» провоцирует слушателей и те бьют стекла. А он провоцирует себя и того, кто над ним, над миром.
Отвечая на наш гупой вопрос о смысле чего-то, он говорил ненужные слова, а потом изобразил, чего бы он хотел: хитрый взгляд исподлобья — вверх, ну, как тебе, может, обратишь внимание на младшего брата, может, дашь о себе знать.

обращать не стоит, конечно, но тем не менее...
 — Это моя трагедия, хотя в принципе я осознанно этим занимаюсь. Еще раз: рок-н-ролл — это чисто бесовская игра. И коль уж я в нее играю, то яростят меня или нет... Хотелось бы, чтобы простили.
 — А каким будет финал твоей игры?
 — Финал — вот он: двери открываются и встаешь перед его глазами. А там уж твоя участь решается. А я стою, потупив взор. Единственно, что могу сделать — отвернуться, укрыться и слезою вспыхнуть опять. Суть в том, что мы здесь проживаем незначительный отрезок времени и важно по этому отрезку пройти так, чтобы можно было хотя бы одним глазком взглянуть вверх.
 — Пару вопросов о новом альбоме. Ты сейчас можешь уже сказать, каким он будет?
 — По звуку, конечно, хард. По ощущению — сказать не могу. Хотя «Алиса» не играет в каком-то одном стиле, мы можем даже вальс сыграть. В своем духе, естественно. Огромный плюс не загонять себя в рамки определенного стиля и жанра. Иногда это называют эклектикой, которую стоит отличать от винегрета. Балансировать на этом уровне очень интересно для человека, который не боится экспериментов.
 — Но это не будет печаль-

Константин КИНЧЕВ:

Черепная коробка слишком мала, чтобы вместить Вселенную

— Так как тебе нравится русская рулетка?

— С одним пустым гнездом в револьвере — это уж таким гусаром надо быть. Это уже не рулетка, а приговор. Я, как мне кажется, этот возраст перешел. Хотя боюсь, могу ошибиться. Пограничный возраст — 27 и 33. А мне — 35. Но... Там ведь еще 37 впереди маячит.

— Вообще все это — соблазны, все это — «Черная метка», наш следующий альбом.

— На пороховой бочке любишь сидеть?

— Искушать искусителя? Этим и занимаюсь. Как бы я ни хотел, чтобы это было не так.

— Андре Жид как-то сказал, что каждое творение искусства — от дьявола...

— Я хочу сказать, что мы вообще искусством не занимаемся. Мы занимаемся естественным. Понятие «искусство» для меня сродни «целлофану» и чему-то подобному. Я не понимаю высказываний «высокое искусство», «низкое искусство». Все искусство — искусственно. А поскольку рок — это земная музыка, она будоражит, особенно на концертах, животные инстинкты.

— Ты это поощряешь?

— Я получаю от этого удовольствие. Это одна из моих слабостей, с которой я пытаюсь бороться своими песнями. Ведь любая песня — это в принципе исповедь в своих земных грехах.

— Как ты относишься к разговорам, что «Кинчев, мол, претендует на роль шамана»?

— Я не претендую ни на чью роль. Я по жизни ученик. Дай бы Бог самому чему-то научиться, а уж кого-то учить, упаси меня, Господи.

— Ученик чей?

— Что у низкого учителя. Мерекковский об этом очень хорошо сказал в своем трактате о Гоголе. Дьявол в принципе смешон, если к нему относиться с позиций веры и чистоты, которые присутствуют в каждой душе. Если же его возвеличивать, то он становится огромной силой, с которой человеку совладать невозможно. Если же ты все-таки исповедуешься, стремишься к свету, дьявол превращается в беса, который уже за спиной, и ты его можешь просто щелкнуть по носу.

— А почему существует алисамания?

— Потому что им нравятся наши ритуалы, они играют в них.

— Но у других групп такого нет.

— «Алиса» — культовая группа. Она похожа на какую-то секту. Другое дело, что я не собираюсь. Боже меня упаси, говорить, что я знаю, как спастись. И тех, кто идет вместе с «Алисой», я не знаю, куда приведет. Это достаточно опасная игра, «Черная метка», к которой я опять возвращаюсь, как раз про это тоже. «Черная метка» (помните Стивенсона?) — медиатор: человек взял его в руки и приговорен по жизни. У Гумилева есть шикарное стихотворение «Волшебная скрипка», которое он посвящал Валерии Брюсову. Эти строки я не могу не взять эпиграфом к пластинке:

Тот, кто взял ее однажды в поведительные руки,

У того исчез навеки безмятежный свет очей,

Духи ада любят слушать эти царственные звуки,

Бродяг бешеные волки по дороге скрипачей.

Перечитайте это стихотворение. Там все объяснено от и до, что касается рок-действия и того, чем мы занимаемся.

— Ты сам придумал название «Армия «Алисы»?»

— Да.

— В армии есть рядовые, генералы...

— Нет, мы вне структуры. У нас, у меня лично достаточно определенные политические воззрения. Я считаю любую политическую группировку гнездом деловщины. Я скорее за анархию, как это ни банально. Никогда не был панком, но ощущение высшей свободы, культивирование этой штуки мне ближе всего. Я прекрасно понимаю, что это невозможно, есть определенные законы государства, а я живу в нем. Но стремиться к этому, на мой взгляд, необходимо.

— На пластинке «Для тех, кто свалился с Луны» у тебя была строчка «Так хочется прыгнуть в открытый пролет...» Это предел возможной свободы?

— К несчастью, накаркал. Игорь (Чумычкин, гитарист «Алисы») — Авт.) взял и прыгнул. Хотя песней «Камикадзе» я пытался предостеречь. Это один из соблазнов, который, в общем-то, от слабости человеческой. Так просто взять и открыть дверь, которую вообще интересно открыть до срока. Как говорят панки, жизнь — это очередь за смертью. Только кто-то пытается влезть без очереди.

— Есть еще выражение: «Все мы покойники в отпуске»...

— Ну это цинично несколько. Но в принципе... «Крематорий» мне примерно этим и нравится.

— По-твоему, самоубийство — это слабость?

— Конечно. Существует сосуд любви, который иногда полон, иногда иссыкает. А наполнять его существует масса всевозможных прибабасов. Таких, как это ни банально звучит, лес, вода, деревья — языческие все вещи. Определенные деревья — дуб, сосна, береза... Просто надо чуть-чуть подождать, и все встанет на свои места. Вообще, я считаю, в календарном году есть два опасных периода: с февраля по апрель, до Пасхи и с августа по сентябрь (время жатвы, когда небеса собирают самых достойных — Пой, Майк и многие другие). А у самоубийц это — февраль — апрель. И еще одно тому подтверждение — смерть Курта Кобейна. Вся «Алиса» и я лично очень любили «Нирвану», поэтому сейчас скорбим по Кобейну...
 Есть еще определенный опасный момент — игры с оккультизмом, верой в приметы. Когда ты начинаешь играть в эти игры, ты уже не можешь щелкнуть по носу беса, и он встает огромным монстром. Потому что как только ты начинаешь задумываться, что означает тот или иной поступок, стечение обстоятельств, начинаешь свои эмоции анализировать... А черепная коробка слишком мала, чтобы вместить Вселенную. Это необратимый процесс.

— Но увлекательный?

— Очень. Дьявольские игры всегда увлекательны. Поэтому самоубийство — слабость. У Гессе ведь шикарно все в «Степном волке» написано, мне эта книга в юношеские годы очень помогла. Можно всю жизнь оставаться потенциальным самоубийцей, потому что самый простой выход: знать, что существует эта дверь. Это знание придает силы в депрессивном состоянии.

— И если кошка перебежит дорогу, ты не свернешь?

— Не обращу внимания. Ни в коем случае. Потому что с таких, казалось бы, безобидных вещей, начинается эта игра. И я всех предостерегаю: ради Бога, не играйте в эти игры. Они очень опасны.

— Тем не менее многие по-прежнему считают тебя исчадием ада, внимание на них

новый альбом, как «Для тех, кто свалился с Луны»?

— Нет. Полная противоположность. Я вкладываю в «Черную метку» все страсти, которые вынашиваю и которые свойственны любому человеку. Пытаюсь показать эту войну внутри себя, между тем, как ты живешь и к чему ты стремишься. А поскольку рок-н-ролл весь обязан страстями, будь то наркотики или алкоголь, то об этом и хочется говорить.

— С кем бы ты хотел сыграть?

— Не знаю. С «Гражданской обороной» можно сыграть. Можно не играть.

— А из западных?

— А чего с ними играть. Их надо слушать.

— У рок-музыкантов в последнее время наблюдается массовый исход в параллельные музыкальные сферы, примеры приводить даже не стоит по причине их множественности. Ты не собираешься, случаем, возобновить актерскую деятельность?

— Не буду ни за кого говорить, но мне лично просто жалко время. Вот пужинка времени — ее я ощущаю очень хорошо — и мне жалко тратить драгоценные отрезки пути, которые мне определены по земле, на что-то другое. Я не хочу разбрасываться. Делать плохо не хочется, а хорошо — это отдавать кусок жизни. Я считаю, что люди, которые начинают себя пробовать в области, где они являются, в общем-то, дилетантами, делают это потому, что в своем ремесле, в своем деле они перестают ощущать удовольствие. Я им не зави-
 дую.

— Тем не менее была роль во «Взломщике»...

— Здесь особая история. На дворе стоял 86-й год. За туннельство еще сажали. Поскольку я не работал, меня очень доставал участковый. Потом, когда я подписал контракт, я пришел в отделение милиции, бросил свой контракт на стол и сказал: «Посмотрите, я — актер». «Взломщик» мне определенно был нужен.

— А как ты оцениваешь этот фильм?

— На кол, наверное.

— Это сейчас, а тогда?

— И тогда ясно было. Это был определенный заработок. Я получал 200 рублей в месяц. Снималось все в Питере, а поскольку жить мне было негде, на момент съемок получил шикарную возможность жить в гостинице.

— Кстати, о Питере. Что для тебя этот город? И вообще как ты относишься к питерскому и московскому року?

— Что такое питерский и московский рок, я не знаю. Для меня разделений не существует. А что такое Питер для меня — это моя любовь. Это город, который питает меня. Москва, наоборот. Здесь можно воплощать свои замыслы, свои творческие идеи. Москва — для крепко стоящих на земле людей. А Питер — для птиц. Поскольку он на болотах, там жить крепко стоящему человеку невозможно.

— Тебе нравится делать то, что ты сейчас делаешь? Мы не имеем в виду интервью.

— Мне нравится сочинять песни, мне нравится заниматься аранжировкой, сидеть в студии, записывать альбом. Мне нравится выступать на концертах. Мне все это нравится. Вот когда стану импресарио, тогда, видимо, заниматься этим не буду...

Александр МОНАХОВ,
 Ольга САПРЫКИНА.
 Фото Гоши СЕМЕНОВА.